

Секция «Символы прошлого и технологии будущего: политика памяти в цифровом пространстве»

История или политика? Проблема Голодомора в российско-украинских отношениях

Научный руководитель – Графова Мария Александровна

Грига Иван Григорьевич

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет мировой экономики и мировой политики, Москва, Россия

E-mail: kom51k23@mail.ru

Актуальность темы исследовательской работы заключается в возрастающем значении политики исторической памяти в современных международных отношениях, как инструмента, помогающего формировать внешнюю политику государств. Следует заметить, что основной движущей силой проведения политики исторической памяти является утверждение той или иной интерпретации событий прошлого. При этом, на определённом этапе развития политики памяти в игру могут вступать как внутривнутриполитические, так и внешние силы в виде отдельных акторов международной политики, которые также способны оказывать влияние и координировать проводимую политику в выбранном государстве. Исследовательский вопрос работы заключается в причинах существования проблемы Голодомора в российско-украинских отношениях.

На первый взгляд, трудно поставить историю и память в один синонимический ряд, поскольку память - это то, что касается текущего, всегда актуального, то, что затрагивает сегодняшние социальные группы, и следовательно памяти свойственно постоянно эволюционировать ещё и потому, что её носители - всегда живая социальная группа. История же является тем, чего больше нет, это восстановление и реконструкция событий прошлого. Прежде, историк имел абсолютную власть над прошлым, авторитетную и безапелляционную монополию на установление, подтверждение или опровержение фактов. Историк принимал как должное преимущества истории в виде её дисциплинарного характера, пока история была коллективным, а память неакадемичным и индивидуальным. Сегодня историк утрачивает свою монополию и вынужден разделить свои полномочия с законодательными органами власти государства, судьями, в некоторых случаях свидетелями и очевидцами, а также СМИ [4].

Теоретической базой исследования является концепция конструктивизма, поскольку голод 1932-1933 гг. в российско-украинских отношениях поддаётся определённым оценкам и трактовкам каждой из сторон, следовательно, позиция каждой из сторон о проблеме формируется дискурсом, в котором об этих событиях говорят [5]. Это позволяет изучить данную проблему с иной стороны, в отличии от уже имеющихся наработок. В текущем исследовании уделено внимание не самому факт событий 1932-1933 гг., а скорее контексту, при каких обстоятельствах о нем говорят, какой смысл ему при этом придают в рамках проблемы в двусторонних отношениях.

Голодомор - термин, применяемый в Украине (и законодательно признанный в ряде других государств) к событиям голода 1932-1933 гг., коснувшихся населения Украины.

Каждое государство проводит политику исторической памяти согласно с собственными национальными интересами и преследует разные цели, в результате чего возникает напряженность в российско-украинских отношениях. Также удалось выяснить, что проблема Голодомора является комплексной и носит не только исторический характер. Она непосредственно затрагивает и политическую плоскость.

Проанализировав ситуацию, сложившуюся вокруг событий 1932-1933 гг. в Украине через призму политикоисторической памяти, можно прийти к определенным выводам. Опираясь на теоретические наработки П. Норы, вся государственная политика исторической памяти, все коммеморативные практики, заявления, и т.д. имеют целью сохранить и поддержать память о событиях 1932-1933 гг., выгодную для украинской власти [1]. Политика памяти служит инструментом для построения внешнеполитической идеологической линии государства, используется для лоббирования интересов государства за его пределами. Так, например, мы можем наблюдать настойчивые попытки Украины на мировой арене, направленные на всеобщее признание Голодомора геноцидом.

В ходе исследования также удалось выяснить, что украинский нарратив исторической памяти задаётся не только внутренними силами государства. Значительную поддержку политике исторической памяти оказывает ряд Западных государств и международных организаций [2].

Проанализировав позицию России и её интерпретации голода 1932-1933 гг., удалось также получить определенные выводы. Российская Федерация также использует политику исторической памяти, хотя частота обращения к ней все же менее активна, чем у Украины. РФ не прибегает к коммеморативным практикам, как таковым, однако обращается к такому важному инструменту исторической политики, как архивы. Опираясь на архивы, РФ формирует продиктованный национальным интересом дискурс по вопросу событий 1932-1933 гг. Согласно официальному российскому нарративу, государство пытается отстоять статус-кво в рассматриваемом вопросе. При этом государство также готово идти на такие компромиссы, как признание событий 1932-1933 гг. Голодомором или принятие участия в коммеморативных практиках, подобных годовщине памяти жертв Голодомора в Украине [3].

В сущности, по причине существования двух практически противоположных нарративов, украинского и российского, существует проблема Голодомора в двусторонних отношениях. Украинскому нарративу исторической политики памяти свойственна целенаправленность, агрессивность и радикальность, он также постоянно апеллирует к мировому сообществу. Ему также характерно поступательное развитие на протяжении всего периода независимости государства, за исключением периода президентства В. Януковича. Российский нарратив исторической памяти является умеренным, ему свойственен скептицизм, а также реакционность.

Источники и литература

- 1) Касьянов Г. В. Украина и соседи: историческая политика: 1987–2018. – *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2019. С. 178.
- 2) Касьянов Г. Россия: власть и история // *Pro et contra*. – 2009. – Т. 2. С. 24-42.
- 3) Миллер А. и др. Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России. Интервью с историком Алексеем МИЛЛЕРОМ беседует редактор "Отечественных записок" Марк ГРИНБЕРГ // *Отечественные записки*. – 2008. – Т. 44. – №. 5. – С. 66-75.
- 4) Нора П. и др. Франция-память. – 1999. – С. 20.
- 5) Wendt A. Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics // *International organization*. – 1992. – Т. 46. – №. 2. – С. 391-425.